

Символика Причерноморья: пути становления

В конце XX века парадигма гуманитарных наук несколько сместилась в сторону доминант сферы коммуникативных исследований. Особо актуальными для лингвистических работ стали данные гносеологии, когнитологии, теории коммуникации, неориторики, социопрагматики. И символические, и логические формы мышления, имеющие универсальный, общечеловеческий характер, вне зависимости от прагматического статуса их текстовых продуктов, пребывают под влиянием этнических особенностей менталитета, который дает знать о себе, прежде всего, в вербальной и невербальной формах.

Логично, что в пределах макросоциума идентифицируются различные эстетические, моральные, этические концепты, среди которых, помимо универсальных, общечеловеческих, есть и целый ряд национально детерминированных и социально специфических [6]. Особенности национальной картины мира отражаются в существовании национальных стереотипах как моделей социального поведения, имеющих конститутивный статус в вербальном проявлении.

В когнитологии, в гносеологии, в теории коммуникации, в теории перевода, в теории кросс-культурной коммуникации, в прагмалингвистике проблема символа, статус символов, роль символа, в частности, в когнитивных процессах освещена достаточно широко [2,3,5]. Нерешенной остается задача проследить за тем, как рождается символ. Эта проблема видится с двух сторон. Один аспект ее – как рождается символ в связи с появлением нового явления, влекущего за собой появление нового понятия, и это понятие переходит на статус символа. Другой аспект – как символ вырастает из жизни, из первичной действительности.

Каким образом определенные языковые и стоящие за ними когнитивные элементы, попадая в особо насыщенное когнитивное поле, влияют на жизнь, задавая тем или иным сторонам первичной действительности особый

протосимволический статус. Этот статус приводит к тому, что все ключевые концепты или все ключевые лексемы, закрепляющие эти концепты в языке, изначально имеют очень высокую вероятность стать символами и реально действительно очень многие из них ими становятся.

Другими словами, элементы первичной действительности, попадая в когнитивное поле и, переводясь на когнитивный язык, *mentalese*, уже как бы заранее готовы стать символами. Вопрос состоит в том, каким образом происходит этот процесс?

Это одна сторона проблемы. Вторая сторона той же проблемы – как рождается символ – заключается в том, что существуют по-видимому определенные концепты и определенные, возникшие на их почве новообразования или переименования того, что уже было известно, обладающие изначальным потенциалом, который позволяет им очень быстро стать символом, попадая в повышенно значимое когнитивное пространство. Исследователи, изучающие символ с когнитивной и лингвистической точки зрения на основе традиционного подхода к возникновению символа (миф, ритуал, фольклор) отмечают, что рождение символа – процесс достаточно долгий [2,3]. Это связано с тем, что символ для того, чтобы стать символом, должен быть, безусловно, некой единицей, как ментальной, так и лингвистической, как вербальной, так и невербальной, но единицей, которая является символом не только для отдельной личности, и не только даже для малого количества коммуникантов, но и для относительно большой общности людей. В противном же случае мы можем говорить об образе, метафоре, окказионализме, но не о символе. Исходя из этого, одними из характерных примет символа являются его общеобязательность, культурная заданность для аудитории [5]. В связи с этим рождение символа традиционным порядком – процесс длительный.

На таком фоне чрезвычайно интересно было бы проследить, каким образом на наиболее экспериментальных участках русской, украинской, и шире – евразийской истории Нового времени, а именно, зонах Черноморья и

Причерноморья формировались символы. Символы, как единицы когнитивные, то есть как некие ментальные структуры, призваны отражать определенные ментальные, когнитивно воспринятые ценности, ценностные ориентации, а также возникновение символов в чисто языковом плане.

Не всегда обращалось внимание на то, что территория Черноморья и Причерноморья, которая вошла в состав Российской Империи при Екатерине и получила название Новороссия, была землей в высшей степени символической и даже сознательно символической и завоевывалась не только в прагматических, но и в символических целях. Эта земля была очень быстро осмысленна как символическое пространство в русской культуре, в русской литературе и даже в русском языке, в тех реалиях, которые вошли в эту культуру и в этот язык. Это было обусловлено мощной поддержкой наиболее авторитетных письменных источников, обладавших юридической поддержкой и потому с повышенным прагмаэффектом, текстов публицистических, принадлежавших перу известных публицистов и государственных деятелей, философов, писателей, ученых той эпохи. Все это в сумме создавало мощную целенаправленную поддержку процессам, которые, возникая на этой территории из реальной действительности и будучи, соответственно, априори закрепленными в языке, очень быстро переходили в роль символа.

Функционирование слова – символа и ментального когнитивного символа Новороссия показывает, что термин Новороссия изначально появился не как абстрактное понятие, отражавшее новую геополитическую реалью, а с самого начала был нагружен определенным символическим смыслом, то есть он и строился, и моделировался и выбирался при осознании того, что новое пространство играет огромную символическую роль в истории Российской Империи.

Европа имела непрерывную мифологическую традицию, идущую от античности и ретранслированную культурами разных эпох. При этом европейским сознанием разрабатывались основные версии античного мифа.

В свою очередь, греческие колонии, находившиеся в Причерноморья (Херсонес, Ольвия), в основном были знакомы лишь с периферийными версиями отдельных мифологических сюжетов, то есть имели о классической мифологии осколочные представления. И если ретранслирование мифологии в Европе XVIII века было органичным и опиралось на колоссальный предшествующий опыт, то Российская Империя реализовывала «античный миф» на территории Причерноморья, воссоздавала слепок той культуры, о которой имела нецелостное представление. Прагматика построения Новороссии прогнозировалась в категориях античного мира. Отсюда попытка создания на ранее греческих территориях «отражения» Северной Пальмиры, но «отражения» не буквального, не «зеркального», а учитывавшего эллинский дух, который априорно задавал новой территории – Южной Пальмире – направление классического норматива.

С этой точки зрения интересно проследить возможное осмысление Херсона как столицы Новороссии. Здесь «зеркальность» Южной Пальмиры подчеркивается географически: Херсон расположен в устье Днепра, Санкт-Петербург – в устье Невы. Архитектура старого Херсона отражает стремление Империи к созданию своего слепка классической эллинской культуры. Особенно символичным в этой связи представляется Собор Святой Екатерины – место захоронения князя Таврического Потемкина, основателя Новороссии, - мавзолей – символ центра.

Так, представляется, что продвижение Российской Империи в сторону Причерноморья и возникновение того нового геополитического протранства, которое получило название Новороссия и появление сначала когнитивного термина, а потом, очень быстро, и слова – символа Новороссии, дает возможность проследить за определенными закономерностями, показывающими двустороннее воздействие первичной действительности на когнитивные процессы и символизацию, но, прежде всего, символизацию лингвистическую, влияющую на символизацию идеологическую, а ее, в свою

очередь, на программирование той или другой модели жизни и поведения в этом новом пространстве.

Список литературы:

1. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространства текста и дискурса// Тр. Научной конф. «Категоризация мира: пространство и время». – М., 1997. – С.19 – 27.
2. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры// Уч.зап. Тартуского гос.ун-та. – Труды по знаковым системам. – 1971. - Вып.754. - С.10-21.
3. Минц З.Г. Несколько дополнительных замечаний к проблеме: “Символ в культуре”// Уч.зап. Тартуского гос.ун-та. – Труды по знаковым системам. – 1971. - Вып.746. - С.95-101.
4. Михалева И.М. Текст в тексте: психолингвистический анализ: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. – М., 1989. – 27с.
5. Новикова М.А., Шама И.Н. Символика в художественном тексте. Символика пространства (на материале «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н.В.Гоголя и их английских переводов): Учеб. Пособ. – Запорожье: СП «Верже», 1996. – 172с.
6. Селиверстова О.Н. Когнитивная семантика на фоне общего развития лингвистической науки//Вопросы языкознания. – 2002. - №6. – С.12-25.